

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Наталья Сергеевна Семенова

кандидат юридических наук
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общecerковной аспирантуры и докторантуры
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Тулской духовной семинарии
юрисконсульт Учебного комитета Русской Православной Церкви
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
semenovanataliya@mail.ru

Для цитирования: *Семенова Н. С.* Современный правовой статус Русской Православной Церкви в государствах Центральной Азии: сравнительный анализ // *Праксис*. 2023. № 2 (11). С. 114–136. DOI: 10.31802/PRAXIS.2023.11.2.009

Аннотация

УДК 348.07

В статье сравнивается современное правовое положение Русской Православной Церкви в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, определены основные факторы влияния на законодательство указанных стран, в том числе заимствование российского законодательства. Особый акцент сделан на влияние советского наследия и принципа отделения Церкви от государства и школы от Церкви. Сделан вывод о том, что несмотря на большое сходство с российским законодательством, национальные особенности сыграли

ключевую роль, что привело к различному содержанию схожих положений и их последствий в правоприменительной практике.

Ключевые слова: право на свободу совести и вероисповедания, отделение религиозных объединений от государства, правовое положение Русской Православной Церкви в Центральной Азии, церковное право, международное право, религия, права человека.

Modern Legal Status of the Russian Orthodox Church in the States of Central Asia: Comparative Analysis

Nataliya S. Semenova

PhD in Law

Associate Professor at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy

Associate Professor at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Saint Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies

Associate Professor at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Tula Theological Seminary

Lawyer at the Education Committee of Russian Orthodox Church
Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia.

semenovanataliya@mail.ru

For citation: Semenova Nataliya S. "Modern Legal Status of the Russian Orthodox Church in the States of Central Asia: Comparative Analysis". *Praxis*, № 2 (11), 2023, pp. 114–136 (in Russian). DOI: 10.31802/PRACTIS.2023.11.2.009

Abstract. The article compares the current legal situation of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan, and identifies the main factors influencing the legislation of these countries, including the borrowing of Russian legislation. Particular emphasis is placed on the influence of the Soviet legacy and the principle of separation of Church from state and school from Church. It is concluded that despite the great similarity with Russian legislation, national characteristics played a key role, which led to different contents of similar provisions and their consequences in law enforcement practice.

Keywords: right to freedom of conscience and religion, separation of religious associations from the state, legal status of the Russian Orthodox Church in Central Asia, church law, international law, religion, human rights.

Факторы, влияющие на правовое положение Русской Православной Церкви

Правовой статус Русской Православной Церкви на территории конкретной страны определяется ее государственным законодательством и церковным правом, то есть внутренним правом Церкви.

Несмотря на то, что источником внутреннего права Церкви выступает сама Церковь, имея первоисточником Божественную волю, и не завися в этом смысле от государства, или точнее сказать, не должна зависеть от государства (в разные исторические периоды было по-разному), вопрос реализации внутреннего права Церкви часто зависит от внешнего права, источником которого выступает государство. В связи с этим важно обозначить факторы, влияющие на национальное законодательство о свободе совести, которое регулирует положение Церкви в государстве.

Во-первых, это нормы международного права. Большинство государств мира, в том числе и те, которые заявлены в теме статьи — Казахстан, Узбекистан и Таджикистан, присоединились к базовым универсальным международным документам, которые гарантируют право на свободу мысли, совести и религии. К этим документам относятся, Всеобщая декларация прав человека 1948 года¹ (ВДПЧ), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года² (МПГПП), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года³ (МПЭСКП), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года⁴ (Декларация о запрете дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г.).

Если декларации, как правило, не носят обязывающий характер, ВДПЧ является исключением, то Международные пакты устанавливают обязательства государств и предусматривают контрольные механизмы за исполнением государствами своих обязательств⁵.

- 1 Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // СПС КонсультантПлюс.
- 2 Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // СПС КонсультантПлюс.
- 3 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // СПС КонсультантПлюс.
- 4 Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятая резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 г. // СПС КонсультантПлюс.
- 5 Подробнее об этом см.: Семенова Н. С. Обязательства государств Западной Европы по защите христиан в рамках универсальных международно-правовых механизмов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12. С. 58–63.

На практике это означают, что государства не могут произвольно толковать право на свободу мысли, совести и религии. И, тем более, не могут устанавливать на национальном уровне правила, которые противоречат взятым на международном уровне обязательствам. Так, например, взятые рассматриваемыми странами Центральной Азии обязательства в рамках гарантии свободы мысли, совести и религии запрещают вмешательство во внутренние дела религиозных организаций (ст. 18 МПГПП).

Кроме того, существует еще и императивная норма — принцип уважения прав и свобод человека, включая свободу мысли, совести и религии. Это один из 10 основных принципов международного права — норма *jus cogens*, которая не может нарушаться ни одним государством мира. Важно обратить внимание на то, что только одно единственное право на свободу мысли, совести и религии вынесено в название данного принципа, делая его как бы «самым основным» и наиболее важным среди всех остальных.

Итак, это первый объединяющий фактор отношения к определению правового положения Церкви на территории государств Центральной Азии.

Второй фактор, оказывающий влияние на государства Центральной Азии — это советское атеистическое наследие, из которого они выходили одновременно с Россией и другими бывшими союзными республиками. После распада СССР начался законотворческий процесс во всех государствах. Однако, поскольку право регулирует то, что отвечает потребностям конкретного общества в конкретный исторический период, оно не может сделать больше того, к чему готово общество на момент принятия соответствующего нормативного акта. Иными словами, общее стремление в Европу или европейский путь после распада СССР не мог в одночасье преодолеть то, что укоренилось в обществе за 70 лет. В результате, заимствованные из европейских законов нормы (прежде всего, из французского и немецкого законодательства) часто приобретали совершенно иное содержание, чем в этих странах. Часть норм осталась из советского законодательства. Впоследствии многие нормы заимствовались из российского законодательства, поскольку разработка закона — это очень сложный и дорогостоящий процесс. Кроме того, в 90-е годы в рамках Межпарламентской ассамблеи СНГ были созданы модельные законы, которые были приняты представителями всех стран СНГ. Очень часто они дублировали российские законы

с незначительными изменениями. Государства могли брать их за основу своих национальных законов. Таким образом, поддерживалось единое правовое пространство.

Определив основные факторы влияния на законодательства указанных государств, обратимся непосредственно к нормам, определяющим правовое положение Церкви в этих странах.

Общие положения о гарантиях права на свободу совести существуют во всех рассматриваемых государствах. Однако их закрепление и реализация могут существенно отличаться. Прежде всего, важно рассмотреть установление запрета дискриминации по признаку отношения к религии.

Запрет дискриминации по признаку отношения к религии

Запрет дискриминации по признаку отношения к религии является ключевой гарантией права на свободу совести, начиная с установления после Второй Мировой войны нового международного правопорядка, в том числе в области прав человека. Это подтверждается, в частности, ст. 3 Декларации о запрете дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г., в которой провозглашено: *«дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами».*

Запрет дискриминации по признаку отношения к религии, как общепринятая норма, казалось бы, должен одинаково закрепляться в законодательствах всех стран в соответствии с ВДПЧ, статья 2 которой гласит: *«каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения».*

Однако законодательство Узбекистана, например, указывает данную формулировку только для граждан Узбекистана. Согласно ст. 19

Конституции Республики Узбекистан⁶ (далее — Конституция РУ) в «Республике Узбекистан признаются и гарантируются права и свободы человека согласно общепризнанным нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения».

В Республике Узбекистан все граждане имеют одинаковые права и свободы, равны перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, религии, убеждений, социального происхождения, общественного положения».

В Законе Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» 2021 г.⁷ (далее — Закон РУ о свободе совести) также установлено, что «свобода совести — это гарантированное конституционное право **граждан** исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» (ст. 4). Опять указаны только граждане. В ст. 6 Закона РУ о свободе совести указаны уже и иностранные граждане и лица без гражданства, которые «пользуются правом на свободу совести и свободу вероисповедания наравне с гражданами Республики Узбекистан ...», но стандартной формулировки о запрете дискриминации в законодательстве Узбекистана нет. Остается только ссылаться на общепризнанные принципы и нормы международного права, которые Узбекистан признает в соответствии со своей Конституцией (Преамбула, ст. 15, 19 и др.) В частности, в ст. 24 Конституции закреплено, что «*иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся на территории Республики Узбекистан, обеспечиваются права и свободы в соответствии с нормами международного права*».

Для сравнения можно привести ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, **отношения к религии**, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

6 Конституция Республики Узбекистан от 08.12.1992. № ЗРУ-837: в ред. от 01.05.2023 // Официальное издание Конституция Республики Узбекистан Ташкент Узбекистон. 1992. Ст. 19.

7 Закон Республики Узбекистан от 5 июля 2021 г. № ЗРУ-699 «О свободе совести и религиозных организациях» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2021. № 03/21/699/0635.

Похожая формулировка присутствует в ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан⁸ (далее — Конституция РК): «*Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, **отношения к религии**, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам*».

Ст. 17 Конституции Республики Таджикистан⁹ (далее — Конституция РТ) также содержит аналогичную формулировку: «*Государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, **вероисповедания**, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения*». Данное положение дополняется п. 6 ст. 4 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях»¹⁰ (далее — Закон о свободе совести РТ) «*Запрещаются призывы к какому-либо преимуществу и ограничению в отношениях к религии и убеждениям*».

Таким образом, вопрос запрета дискриминации по признаку отношения к религии так или иначе решен в указанных странах, хотя отсутствие прямой нормы в Конституции РУ о гарантии каждому всех прав и свобод без дискриминации по признаку религиозной принадлежности вызывает беспокойство, особенно с учетом подхода Узбекистана к толкованию норм международного права в области обеспечения права на свободу совести, как будет видно далее.

Базовые гарантии права на свободу совести

Согласно ст. 35 Конституции РУ «*свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов*».

Важно обратить внимание на третье предложение данной статьи, которое, на первый взгляд, представляется вполне обоснованным, поскольку законы большинства государств запрещают принуждение в отношении религиозных взглядов. Однако, если рассмотреть

8 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. № 142-VII ЗПК: в ред. от 17.09.2022 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 17.

9 Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994. В ред. от 22.06.2003 г. // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213.

10 О свободе совести и религиозных объединениях: Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489: в ред. от 19.07.2022 г. // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=27726

данное положение в контексте Закона РУ о свободе совести, то прочтение становится иным.

Ст. 3 Закона РУ о свободе совести содержит два понятия — миссионерство и прозелитизм. Однако, рассмотрим сначала, что означают эти термины в общепринятой практике. Так, согласно Большому Энциклопедическому словарю, миссионерство — «это деятельность представителей религиозных организаций, направленная на распространение своего вероисповедания среди инаковерующих»¹¹. Прозелитизм чаще всего выступает синонимом миссионерства, хотя и отличается с этимологической точки зрения¹². Прозелитизм — «деятельность, направленная на обращение иноверцев в свою религию»¹³. Однако, прозелитизм может иметь негативную коннотацию, как пишет, например, прот. Владислав Цыпин, в христианстве прозелитизм «приобрел негативную коннотацию насильственного обращения, в отличие от миссионерства»¹⁴. Поэтому данный термин используется реже, чем миссионерство, однако этот факт не отменяет его основного значения.

С правовой точки зрения, оба эти понятия включают очень важную гарантию, содержащуюся, в том числе, в международных документах, — право распространять свои убеждения, включая религиозные взгляды. Например, в соответствии со ст. 19 ВДПЧ «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их». Аналогичная гарантия содержится в ст. 19 МПГПП. Данная гарантия содержится и в ст. 18 МПГПП, гарантирующей непосредственно право на свободу мысли, совести и религии. Как отметил Комитет ООН по правам человека в своем Замечании общего порядка № 34¹⁵, помимо статьи 19,

- 11 Миссионерство. Большой Энциклопедический словарь // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/199422>.
- 12 *Миссионерство* — от лат. *missio* как перевод греч. ἀποστολή — посылание. Цит. по: Федоров В. Ф. Миссионерство // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/missionerstvo-ce4d62/?v=6345040>. *Прозелитизм* — от лат. *proselytus*, от греч. προσήλυτος — обращённый, нашедший своё место. Цит. по: Цыпин В., прот. Прозелитизм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/3179427.
- 13 Цыпин В., прот. Прозелитизм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/3179427.
- 14 Там же.
- 15 Организация Объединенных Наций. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 34: Статья 19: Свобода мнений и их выражения. Женева, 11–29 июля 2011 г. CCPR/C/GC/34. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FFPRiCAqhKb7yhsrdB0H1l5979OVGGB%2BWPAXiks7ivEzdmLQdosDnCG8FaGzYH6OnzWb2RXT7yJopp6wnueK3xDlZpltsnQ4NnehKxA27tv6yxSEu56OqU0tVD>.

«гарантии свободы мнений и/или выражения мнений содержатся также в статьях 18...» МПГПП.

Для сравнения можно привести ст. 28 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право ... свободно ... распространять религиозные и иные убеждения»¹⁶.

Теперь важно рассмотреть подход Узбекистана к определению данных терминов. Так, ст. 3 Закона РУ о свободе совести устанавливает следующие определения:

«миссионерство — деятельность по принудительному насаждению религиозных взглядов и распространению религиозного учения путем целенаправленного оказания идеологического воздействия на лицо (группу лиц) с целью его (их) обращения в свое вероисповедание;

...

прозелитизм — форма миссионерской деятельности, выражающаяся в обращении верующих одних конфессий в другие».

Определив таким образом в Законе РУ о свободе совести данные понятия, и учитывая текст ст. 35 Конституции РУ, согласно которому *не допускается «принудительное насаждение религиозных взглядов»*, можно сделать однозначный вывод о том, что в Узбекистане содержится запрет на миссионерскую деятельность и прозелитизм на уровне Конституции, который также подтверждается ст. 7 Закона РУ о свободе совести, где этот запрет прямо установлен: *«Осуществление миссионерства и прозелитизма не допускается»*. Данное положение является грубым нарушением своих международных обязательств. К такому же выводу пришел и Специальный докладчик Совета ООН по правам человека по вопросу о свободе религии или убеждений Ахмед Шахид, который посетил страну по приглашению Правительства Узбекистана 2–12 октября 2017г.¹⁷

В п. 36 своего доклада Ахмед Шахид отметил, что «в соответствии с международным гуманитарным правом свобода религии или убеждений включает в себя право заявлять о своих убеждениях среди лиц той же или иной религии или конфессии, а также право пытаться ненасильственным образом обратить в свою веру других людей. Это право

16 Конституция Российской Федерации 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.

17 Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений о его миссии в Узбекистан. Документ Генеральной Ассамблеи ООН от 22 февраля 2018 г. A/HRC/37/49/Add.2. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/048/56/PDF/G1804856.pdf?OpenElement>.

также распространяется на миссионерскую деятельность, которая также не предполагает официального одобрения со стороны государства, особенно в тех случаях, когда осуществляется гражданами или постоянными жителями страны. Это право защищается в рамках права на свободное выражение своего мнения, которое включает «свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору».

Власти Узбекистана утверждали, что «закон не запрещает добровольное обращение в другую религию. В то же время правительство считает, что запрет прозелитизма и иной миссионерской деятельности необходим для поддержания гармонии и согласия между религиозными конфессиями и предотвращения любых претензий на религиозное превосходство, а также «неэтичного обращения в веру» путем соблазнения материальными благами, что может приводить к социальной напряженности в других аспектах. Комитет по делам религий указал, что любое распространение информации о своем вероучении или попытки проповедовать свою религию или убеждения среди других лиц, вне зарегистрированных религиозных объектов, запрещены».¹⁸ Однако, как представляется, данная позиция только подтверждает незаконность запрета миссионерской деятельности и прозелитизма, которые являются одной из важнейших гарантий обеспечения права на свободу совести в соответствии с положениями ст. 18 и 19 МПГПП.

В своих комментариях к докладу Ахмеда Шахида власти Узбекистана указали, что «вопросы ... запрещения прозелитизма и миссионерской деятельности регламентируются национальным законодательством, отвечающим международным обязательствам Узбекистана. Наличие отдельных ограничений соответствует ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, поскольку они необходимы для обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, принадлежащих к различным религиозным конфессиям»¹⁹.

18 Там же. П. 32.

19 П. 10 Комментариев Правительства Республики Узбекистан к докладу Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений по результатам миссии в Узбекистан 2–12 октября 2017 г. Приложение № 1. Документ Генеральной Ассамблеи ООН от 16 февраля 2018 г. A/HRC/37/49/Add.4. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/043/96/PDF/G1804396.pdf?OpenElement>.

Государства действительно могут вводить определенные ограничения свободы совести, причем, не только в соответствии с общей статьей 29 ВДПЧ, но и в соответствии со статьей 18 МПГПП (п. 3 «Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц») и статьей 19 МПГПП (п. 3 Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения»).

В указанных статьях содержится исчерпывающий перечень оснований для ограничения права на свободу мысли, совести и религии и права на свободу выражения своих мнений и убеждений. При этом следует отметить, что возможность установления ограничений не предусматривает и не может предусматривать полный запрет самого права (его составной части), а в данном случае установлен именно запрет на свободу распространения своих религиозных убеждений, то есть на миссионерскую деятельность, как таковую.

Несмотря на то, что со стороны Специального докладчика были установлены нарушения обязательств Республики Узбекистан в соответствии с МПГПП в отношении права на свободу совести в части запрета на миссионерскую деятельность, этот запрет, как было показано выше, был сохранен в новой редакции Конституции РУ от 1 мая 2023 года, а также в новом Законе РУ о свободе совести, что нарушает международные обязательства Узбекистана. Причем, это нарушает и саму Конституцию РУ, в преамбуле которой указано, что она принимается, «основываясь на общепризнанных принципах и нормах международного права». И вряд ли можно считать, что запрещается только принудительное обращение в другую религию, а добровольное разрешено. Нигде в законодательстве Узбекистана не указано разрешение на добровольное обращение в другую религию наряду с запретом «принудительного» обращения. В отличие от Республики Узбекистан в Республике Казахстан подобных проблем на законодательном уровне не наблюдается.

Согласно п. 1 ст. 22 Конституции РК «каждый имеет право на свободу совести». Лаконичность формулировки частично восполняется в п. 6

ст. 3 Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»²⁰ (далее — Закон РК о свободе совести), в котором установлено, что *«каждый вправе придерживаться религиозных или иных убеждений, распространять их, участвовать в деятельности религиозных объединений и заниматься миссионерской деятельностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан»*. Важно обратить внимание на то, что, как и в ст. 28 Конституции России, здесь напрямую указано право «распространять» свои убеждения и «заниматься миссионерской деятельностью». Ст. 8 Закона РК о свободе совести посвящена правилам осуществления миссионерской деятельности в Казахстане. Остальные гарантии права на свободу совести дополняются международными обязательствами Казахстана, которые отнесены к действующему праву Республики Казахстан согласно ст. 4 Конституции РК, и обеспечиваются в рамках Закона РК о свободе совести.

В ст. 26 Конституция РТ закреплена следующая формулировка гарантии права на свободу совести: *«Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов»*. Данная статья дополняется ст. 4 Закона РТ о свободе совести РТ: *«В Республике Таджикистан гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, распространять и менять любые религиозные и иные убеждения, а также действовать в соответствии с ними»* (п. 1).

Как видно из текста положения п. 1 ст. 4, он практически полностью повторяет текст ст. 28 Конституции РФ. Никаких законодательных запретов на распространения своих убеждений, кроме тех, которые необходимы для «обеспечения прав и свобод других, общественного порядка, защиты основ конституционного строя, безопасности государства, обороны страны, общественной морали, здоровья населения и территориальной целостности республики» (п. 7 ст. 4 Закон РТ о свободе совести), не установлено.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что базовые гарантии обеспечения права на свободу совести, включая запрет дискриминации по признаку отношения к религии, в Казахстане и Таджикистане

20 Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV ЗРК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» // Казахстанская правда. 2011. № 330–331. П. 6. Ст. 3.

законодательно закреплены. В Узбекистане одно из важных прав в рамках свободы совести — право на распространение своих убеждений не гарантируется на законодательном уровне, что нарушает взятые на себя Узбекистаном международные обязательства.

Однако вышеуказанные общие нормы, устанавливая общие гарантии права на свободу совести, не отвечают на главный вопрос — отделена ли Церковь от государства в каждом государстве? Именно с этого вопроса начинается, как правило, любое определение положения Церкви в государстве. В странах постсоветского пространства выражение «Церковь отделена от государства» до сих пор сохранилось и понимается, как правило, в контексте советского наследия.

Это связано с тем, что, начиная с Декрета СНК от 23 января 1918 года «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»²¹ (далее — Декрет 1918 г.), данные положения переходили во все Конституции СССР и конституции союзных республик.²² И, безусловно, в рамках этой формулировки речь шла об отделении Русской (Российской) Православной Церкви от государства.

Учитывая то, что государства Центральной Азии во многом заимствовали российское законодательство, корректируя его под свои нужды, представляется необходимым кратко рассмотреть сначала российский «первоисточник», а потом показать некоторые добавленные особенности, добавленные в их законодательства, которые в ряде случаев кардинально поменяли содержание.

Отделена ли Церковь от государства?

Итак, в современных церковно-государственных отношениях в России принцип отделения Церкви от государства является камнем преткновения. Точнее речь идет не столько о самом принципе, сколько о его неправильном понимании и смешении его с современным конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства (ч. 2 ст. 14 Конституции России 1993 года). Принцип отделения религиозных объединений от государства, закрепленный в ч. 2 ст. 14

21 Декрет Совета Народных Комиссаров от 20 января 1918 г. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. Ст. 269.

22 Подробнее об этом см.: *Семенова Н. С.* Современный правовой статус Русской Православной Церкви в странах Балтии: сравнительный анализ // *Праксис*. 2022. № 2 (9). С. 69–71.

Конституции России 1993 г., нельзя отождествлять с общеизвестным принципом отделения Церкви от государства и школы от Церкви, который был установлен с принятием одноименного Декрета 1918 года, но который утратил силу в 1990 году в связи с принятием закон РСФСР «О свободе вероисповедания»²³. В результате реализации Декрета 1918 г. Церковь перестала быть главным духовно-нравственным воспитателем своего Отечества, а право на религию стало личным делом каждого. Однако даже это право в скором времени стало очень сложно реализовать, поскольку на Церковь обрушились массовые гонения и репрессии со стороны новой государственной власти. Для России начался тяжелый период, когда пытались уничтожить ее почти тысячелетнюю историю и основы ее государственности, которые сформировались в лоне Православной Церкви. Именно данный вид взаимоотношений Церкви и государства наполнил, с содержательной точки зрения, установленный принцип отделения Церкви от государства.

Современный российский конституционный принцип об отделении религиозных объединений от государства, который подробно раскрывается, прежде всего, в статье 4 Федерального закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26.09.1997²⁴ (далее по тексту — Закон РФ о свободе совести), имеет прямо противоположное содержание, чем то, которое лежало в Декрете 1918 года и всех последующих Конституциях СССР и союзных республик. Статья 4 Закона РФ о свободе совести может быть условно поделена на три части. В первую часть предлагается отнести действия, которые может и не может предпринимать государство в отношении религиозных объединений. Во вторую — действия, которые могут и не могут предпринимать религиозные объединения в государстве. А в третью — некоторые виды сотрудничества государства и религиозных объединений. Иными словами, в положениях данной статьи установлена сфера исключительной компетенции государства, в которую не вмешиваются религиозные объединения, и область исключительной компетенции религиозных объединений, в которую не вмешивается государство, а также частично указаны сферы их сотрудничества. Остальные сферы

23 П. 4 Постановления ВС РСФСР от 25 октября 1990 года «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий»»: «Признать утратившими силу: Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // СПС КонсультантПлюс.

24 Федеральный закон от 26.09.1997. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС КонсультантПлюс.

сотрудничества закреплены в других статьях Закона РФ о свободе совести. Таким образом, современный принцип отделения религиозных объединений от государства в России можно охарактеризовать как сотрудничество религиозных объединений и государства без вмешательства в исключительную компетенцию друг друга, то есть принцип, который приближается скорее к принципу симфонии отношений Церкви и государства с той лишь разницей, что изначальный принцип предполагался в православном государстве, а соработничество было не со всеми религиозными объединениями, а только между Церковью и государством.²⁵

Кроме того, важно указать на то, что в преамбуле Закона РФ о свободе совести закрепляется особая роль Православия как государствообразующей и культуuroобразующей религии («...признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»). В п. 2 ст. 67.1 Конституции России фактически восстановлено преемство с православной российской государственностью: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняющая память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». В Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁶ установлено, что «Настоящие Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Иными словами, на сегодняшний день на государственном уровне закреплена система ценностей, хранительницей которых является Русская Православная Церковь.

Кратко определив понятие советского принципа отделения Церкви от государства и школы от Церкви, и установив значение современного

25 Подробнее об этом см.: Семенова Н. С. Конституционный принцип сотрудничества Церкви и государства в современной России: правовой анализ // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7. С. 144–147.

26 Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС КонсультантПлюс.

конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства в Российской Федерации, важно провести сравнение с положением Русской Православной Церкви в странах Центральной Азии, установив те «небольшие» корректировки в их законодательстве, которые были сделаны.

Отголоски советского принципа отделения Церкви от государства можно увидеть в п. 1 ст. 3 Закона РК о свободе совести, где закреплено: *«Государство отделено от религии и религиозных объединений»*. При этом, необходимо обратить внимание на разницу формулировок. В российском законодательстве — *«религиозные объединения отделены от государства»*, а в казахстанском — *«государство отделено от религии и религиозных объединений»*. Первая часть п. 1 ст. 3 Закона РК о свободе совести представляется более важной, поскольку закладывает совершенно иное значение, чем в российском законодательстве, а именно отделение государства от религии означает секулярное государство. Похожая, но совершенно иная формулировка в преамбуле Закона РК о свободе совести о признании *«исторической роли ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа»*, не меняет ситуации. Она только подтверждает секулярность государства и сведение роли религии к частному делу каждого²⁷.

Эти положения дополняются еще одним важным положением из советского принципа отделения Церкви от государства и школы от Церкви, а именно согласно п. 4 ст. 3 Закона РК о свободе совести *«система образования и воспитания в Республике Казахстан, за исключением духовных (религиозных) организаций образования, отделена от религии и религиозных объединений и носит светский характер»*.

В российском законодательстве такое положение отсутствует. В п. 2 ст. 4 Закона РФ о свободе совести РФ установлено, что государство *«обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных организациях»*. Однако данное положение указывает лишь на то, что в государственных и муниципальных образовательных организациях не могут совершаться религиозные обряды и церемонии в рамках основной образовательной программы. Данная позиция подтверждается решением Европейского суда по правам человека по делу *«Перовы против Российской Федерации»* от 20.10.2020 г.²⁸

27 Подробнее об этом см.: Семенова Н. С. Концепция светского правового государства: генезис и эволюция в условиях глобализации // Праксис. 2021. № 2 (7). С. 125–138.

28 Европейский Суд по правам человека. Case of Perovy v. Russia. Application no. 47429/09. Страсбург, 20 октября 2020 г. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-205133>.

Таким образом, при схожих, на первый взгляд, положениях в российском и казахском законодательствах они имеют различное содержание и последствия в правоприменительной практике. Так, например, в России советский принцип отделения Церкви от государства и школы от Церкви был полностью отменен в 1990 г. (Закон РСФСР «О свободе вероисповедания»), восстановлено активное сотрудничество государства с Русской Православной Церковью, в основу государственной идеологии положена система российских традиционных духовно-нравственных ценностей. В Казахстане принцип отделения Церкви от государства и школы от Церкви был заменен на принцип отделения государства и системы образования и воспитания «от религии и религиозных объединений». Сегодня это означает секулярное государство *de jure* и *de facto*, иными словами, сохранение принципа отделения Церкви от государства и школы от Церкви. Признание на законодательном уровне *«исторической роли ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа»* не оказывает какого-либо влияния на установленную систему ценностей (государственную идеологию). Таким образом, в Казахстане не решились вернуть религиозную основу своей идеологии, где «высшими ценностями» остались «человек, его жизнь, права и свободы» (п. 1 ст. 1 Конституции РК), то есть антропоцентризм, как в западных странах.

В Узбекистане согласно ст. 75 Конституции РУ *«Религиозные организации отделены от государства и равны перед законом. Государство не вмешивается в деятельность религиозных организаций. Государство гарантирует свободу деятельности религиозных организаций, действующих в установленном законом порядке»*.

Формулировка схожа с содержанием российского конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства. Однако если обратиться к ст. 7 Закона РУ о свободе совести, которая называется «Отделение религии от государства», то она имеет уже иную формулировку: *«Религия в Республике Узбекистан отделена от государства. Деятельность религиозных организаций и государственных органов в Республике Узбекистан осуществляется на основе взаимного невмешательства»*.

Несмотря на то, что далее идут формулировки Закона РУ о свободе совести, практически дублирующие ст. 4 Закона РФ о свободе совести²⁹, текст ст. 7 Закона РУ о свободе совести об отделении религии

29 Согласно ст. 7 Закона о свободе совести РУ *«государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в их*

от государства больше схож с Законом РК о свободе совести, поскольку по факту устанавливается принцип секулярного государства, как и в Казахстане. Статья 8 Закона РУ о свободе совести это подтверждает. В ней установлено, как и в Законе РК о свободе совести, что *«система образования в Республике Узбекистан отделена от религии. Не допускается включение религиозных дисциплин (за исключением религиозных образовательных учреждений) в учебные программы системы образования»*.

В этой же ст. 8 устанавливается интересное ограничение: *«Каждый имеет право на получение религиозного профессионального образования в религиозных образовательных учреждениях»*. Однако, *«на обучение в религиозные образовательные учреждения принимаются граждане после получения ими общего среднего, среднего специального образования или профессионального образования в соответствии с законодательством»*. И еще одно ограничение в этой же статье: *«Право на занятие деятельностью по преподаванию религиозных дисциплин в религиозных образовательных учреждениях имеют лица с религиозным профессиональным образованием»*.

Иными словами, с одной стороны, государство закрепляет, что *«деятельность религиозных организаций и государственных органов в Республике Узбекистан осуществляется на основе взаимного невмешательства»*. С другой стороны, тут же устанавливает положения, которые являются прямым вмешательством в дела религиозных организаций.

Таким образом, в Узбекистане сохраняется на уровне государства советский принцип отделения Церкви и других религиозных организаций от государства, который «усиливается» закреплением на законодательном уровне прямого вмешательства в дела религиозных организаций.

В Таджикистане ст. 8 Конституции РТ почти дословно повторяет положения российского конституционного принципа об отделении религиозных объединений от государства: *«Религиозные организации отделены от государства и не могут вмешиваться в государственные*

деятельность, если она не противоречит законодательству. Религиозные организации не выполняют государственных функций. Государство не финансирует деятельность религиозных организаций и не допускает деятельность, оскорбляющую религиозные чувства верующих.

Не допускается создание и деятельность в Республике Узбекистан политической партии и иного общественного объединения по религиозному признаку, представительство и филиалов религиозных партий, создаваемых вне республики, участие религиозных организаций в деятельности политических партий и иных общественных объединений, преследующих политические цели, а также оказание им финансовой или иной помощи»

дела». Однако в Таджикистане в сфере государственно-конфессиональных отношений несколько иной подход. Прежде всего, важно обратить внимание, что установлен запрет на вмешательство религиозных организаций в государственные дела, но нет запрета на вмешательства государства в дела религиозных организаций.

Как уже ранее упоминалось, в Конституции РТ нет стандартных положений о гарантии права на свободу совести, но они содержатся в Законе РТ о свободе совести. Как название Закона РТ о свободе совести полностью дублирует название российского закона — «О свободе совести и религиозных объединениях», так и содержание Закона РТ дублирует многие общие положения Закона РФ о свободе совести. Правда, преамбула Закона РТ о свободе совести, где указывается направление и дух закона, кардинально отличается *«Признавая и подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство всех перед законом, независимо от отношения к религии и от убеждений, основываясь на том, что Республика Таджикистан является светским государством, проявляя уважение и терпимость ко всем религиям и религиозным направлениям, признавая особую роль ханафитского направления исламской религии в развитии национальной культуры и духовной жизни народа Таджикистана, принимается настоящий Закон».*

Таким образом, в отличие от России, где устанавливается особая роль Православия и уважение к другим религиям народов России, включая ислам, от Казахстана, где признается равнозначная историческая роль *«ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа»*, и от Узбекистана, где не упоминается ни одна религия, Таджикистан установил только *«особую роль ханафитского направления исламской религии в развитии национальной культуры и духовной жизни народа Таджикистана».*

Интересной представляется статья 5 Закона РТ о свободе совести «Взаимоотношения государства и религиозных объединений», которая почти дословно дублирует ст. 4 Закона о свободе совести РФ, за исключением некоторых аспектов (нет возможности установления религиозными праздников государственными, нет налоговых льгот), но, как и в ст. 7 Закона РУ о свободе совести, сделан акцент на то, что государство *«способствует установлению отношений терпимости и уважения между верующими и неверующими гражданами, между религиозными объединениями различных религий и конфессий, равно как и между их последователями, не допускает проявлений религиозного фанатизма и экстремизма в деятельности религиозных объединений».*

Однако есть и серьезное отличие от российского законодательства и сходство с узбекским законодательством в сфере религиозного образования. Так, в ст. 7 Закона РТ о свободе совести устанавливается принцип отделения государственного образования от религиозных объединений, в рамках которого, тем не менее, государство *«берёт под контроль порядок религиозного обучения с целью предотвращения незаконного обучения, пропаганды и распространения экстремистских идей, религиозной ненависти и вражды»*.

Правда, в отличие от Узбекистана, в Таджикистане государство *«праве включать в учебные программы государственных образовательных учреждений обучение религиозных дисциплин, имеющее информационно-просветительский характер и не сопровождающееся совершением культовых и религиозных обрядов и ритуалов»*. Данное положение становится понятным в контексте современных реалий. Так, в 2018 году указом Президента РТ была утверждена Концепция государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии³⁰ (далее — Концепция РТ в сфере религии).

Согласно п. 3 раздела 1 Концепции РТ в сфере религии *«Государственная политика в сфере религии реализуется на основе светских идей, свободы совести, свободы вероисповедания, религиозного плюрализма, толерантности и уважение ко всем религиям и конфессиям, равенства последователей всех религий перед законом»*.

В п. 5 раздела 1 Концепции РТ в сфере религии определяются понятия, в частности, появляется определение «недопустимого прозелитизма», под которым понимается *«неправомерная деятельность по вовлечению людей в религиозное объединение с использованием давления, принуждения или предоставления недостоверной информации»*.

В отличии от законодательства Узбекистана в законодательстве Таджикистана правильно сформулировано понятие, то есть запрещается не прозелитизм вообще, а «недопустимый прозелитизм».

Кроме того, в п. 5 раздела 1 Концепции РТ в сфере религии признается недопустимым религиозный фанатизм (фанатичное следование мазхабу и убеждению), а также дается определение религиозному радикализму (религиозная идеология, связанная с религиозными изменениями в обществе и обоснованием убеждений применения насилия для решений религиозных вопросов в обществе). В этой Концепции много

30 Указ Президента Республики Таджикистан от 4 апреля 2018 года № 1042 «О Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=105582.

сказано о проблемах радикального ислама и его предотвращения. О всех остальных религиозных организациях специально не упоминается.

В 2011 году был также принят Закон РТ «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей»³¹, целью которого *«является усиление ответственности родителей за обучение и воспитание детей в духе гуманизма, патриотизма, уважения к национальным, общечеловеческим и культурным ценностям, а также защита прав и интересов детей»*.

Таким образом, на законодательном уровне во всех трех рассмотренных государствах Центральной Азии, в отличие от Российской Федерации, установлено отделение религиозных объединений от государства в контексте советского принципа отделения Церкви от государства и школы от Церкви. На практике Русская Православная Церковь действительно отделена от государства, но ей обеспечиваются базовые гарантии права на свободу совести и вероисповедания (кроме возможности осуществления миссионерской деятельности в Узбекистане) наряду с другими религиозными организациями. На уровне общества имеет место активное влияние ислама, с отдельными проявлениями которого борются государства, в том числе на нормативном уровне. В заключение можно отметить, что при общей основе — российском законодательстве и нормах международного права, отдельные особенности приводят к прямо противоположному содержанию.

Библиография

Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // СПС КонсультантПлюс.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятая резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 г. // СПС КонсультантПлюс.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 20 января 1918 г. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. Ст. 269.

Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений о его миссии в Узбекистан. Документ Генеральной Ассамблеи ООН от 22 февраля 2018 г. A/HRC/37/49/Add.2. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/048/56/PDF/G1804856.pdf?OpenElement> (дата обращения 16.05.2023).

31 Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 года № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46582.

- Европейский Суд по правам человека. Case of Perovy v. Russia. Application no. 47429/09. Страсбург, 20 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-205133> (дата обращения 16.05.2023).
- Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV ЗПК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» // Казахстанская правда. 2011. № 330–331. П. 6. Ст. 3.
- Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 года № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» // Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46582 (дата обращения 16.05.2023).
- Закон Республики Узбекистан от 5 июля 2021 г. № ЗРУ-699 «О свободе совести и религиозных организациях» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2021. № 03/21/699/0635.
- Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. № 142-VII ЗПК: в ред. от 17.09.2022 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 17.
- Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994. В ред. от 22.06.2003 г. // Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213 (дата обращения 16.05.2023).
- Конституция Республики Узбекистан от 08.12.1992. № ЗРУ-837: в ред. от 01.05.2023 // Официальное издание Конституция Республики Узбекистан Ташкент Узбекистон. 1992. Ст. 19.
- Конституция Российской Федерации 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.
- Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // СПС КонсультантПлюс.
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // СПС КонсультантПлюс.
- Миссионерство. Большой Энциклопедический словарь // Академик. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/199422> (дата обращения 16.05.2023).
- О свободе совести и религиозных объединениях: Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489: в ред. от 19.07.2022 г. // Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27726 (дата обращения 16.05.2023).
- Организация Объединенных Наций. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 34: Статья 19: Свобода мнений и их выражения. Женева, 11–29 июля 2011 г. CCPR/C/GC/34. [Электронный ресурс]. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FFPPRiCAqhKb7yhsrcdB0H115979OVGGB%2BWPAXiks7ivEzdmLQdosDnCG8FaGzYH6OnzWb2RXT7yJopp6wnueK5xDlZpJtsnQ4NnehKxA27tv6yxSEu56OqU0tVD> (дата обращения 16.05.2023).
- Комментарии Правительства Республики Узбекистан к докладу Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений по результатам миссии в Узбекистан 2–12 октября 2017 г. Приложение № 1. Документ Генеральной Ассамблеи ООН от 16 февраля 2018 г. A/HRC/37/49/Add.4. [Электронный ресурс]. URL:

<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/043/96/PDF/G1804396.pdf?OpenElement> (дата обращения 16.05.2023).

Постановление ВС РСФСР от 25 октября 1990 года «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» // СПС КонсультантПлюс.

Семенова Н. С. Конституционный принцип сотрудничества Церкви и государства в современной России: правовой анализ // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7. С. 144–147.

Семенова Н. С. Концепция светского правового государства: генезис и эволюция в условиях глобализации // Праксис. 2021. № 2 (7). С. 125–138.

Семенова Н. С. Обязательства государств Западной Европы по защите христиан в рамках универсальных международно-правовых механизмов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12. С. 58–63.

Семенова Н. С. Современный правовой статус Русской Православной Церкви в странах Балтии: сравнительный анализ // Праксис. 2022. № 2 (9). С. 69–71.

Указ Президента Республики Таджикистан от 4 апреля 2018 года № 1042 «О Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии» // Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=105582 (дата обращения 16.05.2023).

Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС КонсультантПлюс.

Федеральный закон от 26.09.1997. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС КонсультантПлюс.

Федоров В. Ф. Миссионерство // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/missionerstvo-se4d62/?v=6345040> (дата обращения 16.05.2023).

Цыпин В., прот. Прозелитизм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/religiousstudies/text/3179427> (дата обращения 16.05.2023).